

DOI 10.24412/2076-8176-2025-1-33-46

История творится каждую минуту

Т.И. Макарова

Институт физики атмосферы РАН, Москва, Россия; tmakarova44@yandex.ru

Татьяна Ивановна Макарова, выпускница физфака МГУ, акустик, геофизик, к. ф.-м. н. Воспоминания Т.И. Макаровой охватывают период с начала 1960-х по конец 1980-х гг. в лаборатории С.Э. Шноля и за ее пределами, начиная с первой встречи с ним в студенческом стройотряде в еще только строящемся академгородке в Пущино. Автор вспоминает захватывающие лекции С.Э. Шноля, многочасовые беседы с ним по пути в Пущино, работу и досуги в его лаборатории, а также восприятие С.Э. Шноля «внешним миром». Часть воспоминаний посвящена Беломорской биологической станции МГУ.

Ключевые слова: строительство академгородка, годовой семинар лаборатории физической биохимии, «Шнолятник», ББС МГУ, Н.А. Перцов, В.Н. Вехов, Институт физики атмосферы, Центральный дом актера.

Наша беседа с Татьяной Ивановной Макаровой состоялась весной 2023 г. Однако Татьяна Ивановна не удовлетворилась подготовленной мною расшифровкой нашей беседы и тщательно ее переработала, за что я ей особенно признателен. Из всех приводимых здесь воспоминаний воспоминания Т.И. — наиболее крупные, охватывающие самые различные сферы проявлений личности С.Э. Шноля в самые разные исторические периоды. Несколько из эпизодов подготовленных воспоминаний оказались опубликованы впоследствии в сборнике «Российский ученый Симон Шноль и его герои»¹. Несмотря на то что и находящаяся в процессе подготовки книга воспоминаний о С.Э. Шноле, и настоящая журнальная публикация выдержаны из нее предполагаются как сборники новых, ранее нигде не опубликованных материалов, тем не менее я хотел бы привести здесь воспоминания Т.И. Макаровой полностью, включая и уже опубликованные фрагменты, поскольку это необходимо для цельности.

В.В. Птушенко

¹ Российский ученый Симон Шноль и его герои / Сост. Я.Ю. Юдович, М.П. Кетрис. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2023.

Первая встреча

Впервые Симона Эльевича Шноля я увидела летом 1964 г. Нас, студентов-второкурсников, по доброй физфаковской традиции отправили на летние работы. В этот раз не на целину, а в Пущино — строить будущий академгородок. Наш лагерь разместился в пойме Оки неподалеку от деревушки Харино. Жили мы в многоместных палатках, днем работали, а по вечерам — купания в Оке, какие-то игры, соревнования порой с нешуточной борьбой и азартом, какие-то розыгрыши и свойственные юности бесконечные шутки и проказы — жили весело. И любимым событием дня, когда уже темнело, были посиделки у костра. Пели бардовские песни под гитару и без, частушки на злобу дня, травили анекдоты — это был шумный и веселый мир нашей юности внутри освещаемого лишь костром уютного пространства.

И вот в один из таких вечеров у костра появился гость — худощавый, чуть сутиватый человек. На высокой шее — гордо посаженная голова (мечта скульптора!), выразительное лицо и совершенно немыслимые, необыкновенные серые глаза... Это был Симон Эльевич Шноль. Ему было тогда всего-то 34 года.

Симон Эльевич устроился у костра на каком-то бревнышке и стал рассказывать нам, как искали место для будущего академгородка, облетая окрестности на вертолете, и выбрали именно это. Сложность, насколько мне помнится из рассказа Симона Эльевича, была в том, что по давнему постановлению правительства город планировалось строить в Серпуховском районе, а правый берег Оки — высокий, красивый и удобный для строительства — принадлежал Тульской области, граница проходила по реке. Постановление правительства менять, конечно же, никто не смел, и после долгих поисков нашлось изящное решение — просто передвинуть границу Московской области за Оку, прихватив часть правобережной территории Тульской области².

Симон Эльевич рассказывал, каким будет наш город, какие в нем будут институты, какие в них будут исследования. Говорил, как эти задачи важны для науки и судей человечества. Рассказывал так, как только он один умел — и вдруг наше уютное пространство, освещенное костром, раздвинулось до размеров всего мира — прошлого и будущего. Мира, в котором все важно, все взаимосвязано и взаимозависимо, все требует немедленного исследования. До сих пор помнится острый порыв начать работу немедленно, сейчас же!

Однако утром нас ждала другая работа и, как оказалось годы спустя, тоже важная. Нашей бригаде студенток предстояло создать пристольные круги вокруг саженцев деревьев, высаженных той весной, — будущая зеленая зона Пущина, ставшая теперь украшением города. Тогда же перед нами было пространство, густо заросшее могучим бурьяном, среди которого кое-где можно было обнаружить верхушки посаженных деревьев. Стояла страшная жара и сушь великая. Сорняки поддавались с большим трудом, порой особо крупные мы выдириали вдвоем-втроем.

² В этом вопросе, как и в вопросе о выборе места для академгородка, существует много легенд. В своей книге «Герои, злодеи и конформисты...», изданной много позже описывающей встречи, С.Э. о каком-либо изменении границ областей ничего не говорит, но отмечает другую коллизию — необходимость изъять землю для возведения академгородка у совхоза на основе добровольного согласия его жителей, которое в итоге формально (но не фактически) было получено. (Здесь и далее — прим. В. Птушенко.)

Часто приходилось угадывать, где же деревце среди травы и, найдя его, одной рукой бережно держать за стволик, чтобы случайно не вырвать, а другой полоть.

В понимании нас — горожанок — сорняки следовало извлечь с корнем, затем неглубоко, не задевая корней, разрыхлить почву, убрать остатки корней травы и полить саженец. В понимании же профессиональной бригады озеленителей, состоявшей из местных женщин, достаточно было тяпкой кое-как срубить траву и отодвинуть ее от деревца на положенное расстояние — для лиственных пород это два метра, для хвойников — три или три с половиной. Мы работали старательно и очень ответственно, но не выполняли норму, а они справлялись. И каждый вечер руководство стройотряда с жаром перед всеми отчитывало нас, ставя их в пример. В какой-то момент нас это все-таки допекло, и мы решили, что не закончим работу, пока не выполним норму. Получилась забастовка наоборот: мы вышли на работу по ходу в половине четвертого утра, работали целый день. К вечеру руководители отряда, узнав, что нас не было ни на завтраке, ни на обеде, примчались уговаривать нас вернуться в лагерь. Каким-то образом о происходящем узнали в Серпухове, оттуда прикатили партийные начальники и потребовали «немедленно прекратить это безобразие». Мы, молча, будто и не слышали их, продолжали работать и закончили уже в десятом часу вечера, валясь от усталости, но выполнив-таки норму. За 17 часов непрерывного труда...

Зато бывая сейчас в Пушкино, как же приятно видеть зеленую зону!

На кафедре биофизики

Осенью того же 1964 г. предстояло распределение по кафедрам. Я тогда, начитавшись Джона Лилли, бредила дельфинами и решила, что для расшифровки их языка знание акустики может пригодиться, и потому выбрала кафедру акустики. Однокурсник Володя Буравцев, с которым я подружилась в стройотряде в Пушкино (как оказалось, на всю жизнь — через два года мы поженились) распределился на кафедру биофизики. А там работает Симон Эльевич Шноль — тот самый волшебный человек у летнего костра! Так я оказалась ближе к кафедре биофизики и была в курсе наиболее ярких событий, там происходящих.

Однажды мы помчались на химфак, где обещали показать фильм о делении клетки, снятый через микроскоп — диковинная тогда методика. До сих пор я помню, как затаив дыхание смотрели на таинство деления. Клетка, вначале неподвижная, вдруг начинала беспокойно шевелиться, потом движения становились все интенсивнее, темное ядро в центре удлинилось и вдруг раздвоилось и разошлось в разные концы клетки, затем появилась перетяжка в середине, начала истончаться, наконец, разорвалась, и две новые клетки отошли друг от друга. Фильм показали несколько раз — коротенький, а помнится уже более полувека.

Другое ярчайшее событие студенческой жизни — курс генетики, который вел на кафедре биофизики Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Как-то Володя приходит и говорит: «У нас курс генетики начался, странный какой-то мужик ведет — говорит, что знаком с Нильсом Бором, вспоминает, как гонял чаи с Агафьей (!) Кристи»... Ну как можно было такое пропустить?! И я ходила на все занятия — захватывающие интересные, азартные и веселые. И парадоксальным образом унылая теория вероятностей времен второго курса в изложении Николая Владимировича

превращалась в полезнейший инструмент. А его истории из жизни делали для нас живой историю нашей страны во все времена больших перемен. На всю жизнь запомнила приговорку Николая Владимировича: «Наука — баба веселая, звериной серьезности не терпит!» В жизни она очень пригодилась...

Лаборатория физической биохимии в Пущино — начало «Шнолятника»

В Пущино к 1965 г. был выстроен виварий, в котором сначала и разместилась лаборатория С.Э. Шноля. Е.Б. Заикина вспоминает, как на собачьих будках — отдельные кабинеты!!! — красовались таблички «С.Э. Шноль», «А.Н. Заикин», «А.П. Сарвазян» и т. д.

Вскоре были закончены отделочные работы на третьем этаже, и там обосновались две первые пущинские лаборатории Института биофизики — лаборатория Марии Nikolaevны Кондрашовой и лаборатория Симона Эльевича Шноля.

К Симону Эльевичу как к магниту тянулась молодежь — целое созвездие талантливых ребят — аспирантов, стажеров и молодых сотрудников, ставших потом докторами, профессорами, академиками. Какие имена! А тогда просто Армен Сарвазян, Витя Пасечник, Валя Лобышев, Саша Замятнин, чуть постарше Володя Дештеревский, Аня Букатина — все удивительно яркие, непохожие и талантливые — других не было.

Из старших — Альберт Nikolaевич Заикин. Он на десять лет старше и был давно сложившимся ученым-экспериментатором. В этом деле он знал все. Другим человеком, который знал все, был теоретик Толя Жаботинский, уже кандидат наук. Во главе с С.Э. Шнолем старшие исследовали тогда явление, которое теперь знает весь научный мир под именем «реакция Белоусова — Жаботинского». Эти исследования в 1980 г. удостоились Ленинской премии. Одно непонятно — почему среди лауреатов не оказалось Симона Эльевича, который инициировал и возглавлял эти исследования и благодаря усилиям которого исследования были доведены до блестательного, всемирно признанного результата... Возмутительная несправедливость, без срока давности!

Меня удивляло то, как было устроено это сообщество молодых талантов. У каждого из них была своя задача, своя тематика. Но каждый знал в деталях, чем занимаются остальные. Это порождало своеобразный коллективный интеллект, очень помогавший работе в тех условиях — город ведь только строился, жили в общежитиях, никаких городских развлечений-отвлечений, даже библиотеки не было. Была любимая, сосредоточенная работа с полной отдачей, и были коллеги-товарищи, такие же увлеченные трудоголики.

Столпом этого сообщества был теоретик Толя Жаботинский, знавший не только все, но плюс новости науки из новейших публикаций, с которыми знакомился, бывая в Москве. Возвращаясь, он устраивал где-нибудь в общаге подобие очень демократичного отчета-семинара, где рассказывал участникам обо всем, что узнал, а те в свою очередь делились своими продвижениями в работе или, наоборот, возникшими проблемами, которые тут же всеми обсуждались. Так и формировался этот обобществленный живой интеллект. И если возникал какой-то вопрос, все всегда знали, к кому идти за советом.

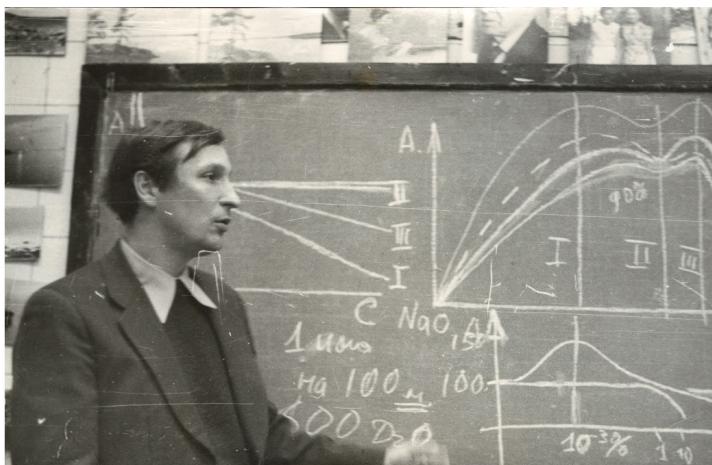
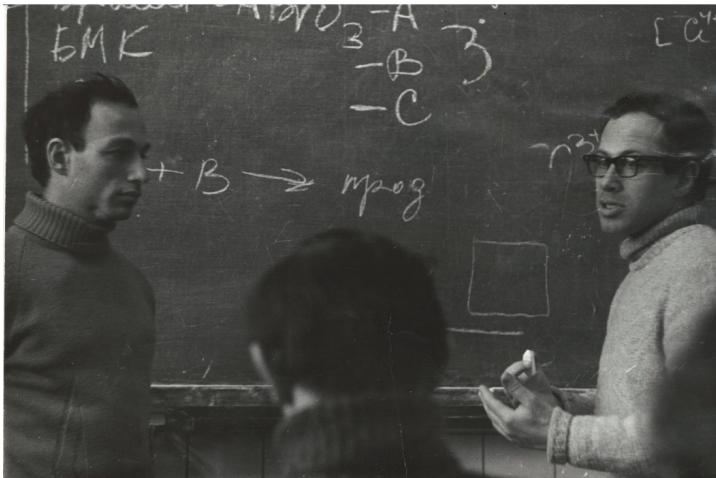

Рис. 1. А. Ровинский, Ф. Атауллаханов, А.М. Жаботинский (вверху). В.И. Лобышев (внизу).
Пущино, ИБФ. Конец 1960-х гг. Архив лаборатории физической биохимии ИТЭБ РАН

Fig. 1. A. Rovinsky, F. Ataullakhhanov, A.M. Zhabotinsky (at the top). V.I. Lobyshev (at the bottom). Pushchino, IBPh. Late 1960s. Archives of the Laboratory of Physical Biochemistry, ITEB RAS

Однажды и меня — зеленую студентку — неожиданно привлекли к этой системе. Сижу я себе тихо с паяльничком и вдруг слышу в коридоре топот множества ног, голоса, и среди них голос Вити Пасечника: «Что мы будем мудрить, у нас же есть свой живой акустик!» Они пришли ко мне с замечательным вопросом — о пороге слышимости человеческого уха. Я, «живой акустик», была еще студенткой четвертого курса, физиологическую акустику нам не читали ни до, ни после. Откуда-то, случайно, я знала, о чем речь, задала уточняющие вопросы, типа в какой системе им нужно знать значение порога (тогда как раз переходили от CGSE к CI), и они, получив ответ, спокойно удалились, продолжая свою высоко научную дискуссию и безмятежно считая, что студентка тоже годится в качестве справочника.

Как закладывались традиции лаборатории. Годовой семинар — «На барана»

Весной в лаборатории устраивался большой, многодневный семинар, на котором каждый сотрудник рассказывал о том, что удалось сделать за год. Семинар оканчивался общим фото на крыше. Последнее мероприятие энтузиазма не вызывало, и Симону Эльевичу стоило больших усилий загнать-таки всех на крышу. После теплого помещения на крыше было зябко, весенний ветерок пронизывал насквозь, солнце слепило глаза. Народ разбредался по всей крыше, отыскивая местечко, где можно укрыться от ветра. Теоретики почему-то очень интересовались прочностью ограждения — в общем, сплошной разброд и шатания. В конце концов, удавалось собрать всех вместе и запечатлеть-таки этот исторический момент.

Рис. 2. Общая фотография на крыше ИБФ после одного из семинаров. Конец 1960-х — начало 1970-х гг. Архив лаборатории физической биохимии ИТЭБ РАН

Fig. 2. Group photo on the roof of the IBPh after one of the workshops. Late 1960s — early 1970s.
Archives of the Laboratory of Physical Biochemistry, ITEB RAS

Как же был прав Симон Эльевич, с самого основания лаборатории заботясь о том, чтобы события, там происходившие, были запечатлены тем или иным способом для будущего, создавая эту традицию! Прошли десятки лет, и сейчас цены нет этим снимкам. Это достояние истории «Шнолятника». Так же, как и многочисленные магнитофонные записи, сделанные Симоном Эльевичем, сохранившие живые голоса того времени. Бесценными оказались его записи бесед и рассказов Н.В. Тимофеева-Ресовского, из которых выросла книга «Воспоминания»³.

³ Здесь требуется некоторое уточнение: книга «Воспоминания» Н.В. Тимофеева-Ресовского, подготовленная Н.И. Дубровиной (составитель) и увидевшая свет в 1995 г., была основана в первую очередь на аудиозаписях, сделанных В.Д. Дувакиным и М.В. Радищевской. Некоторые записи С.Э. Шноля также были использованы при подготовке этой книги, однако гораздо важнее, что именно С.Э. Шноль убедил Н.И. Дубровину заняться изданием этих воспоминаний и познакомил ее с фондом аудиозаписей, созданным В.Д. Дувакиным.

А финалом весеннего годового отчета было мероприятие под названием «на барака». Вся лаборатория в полном составе — с женами, детьми маленькими, очень маленькими и в колясках — в одно прекрасное утро отправлялась к отдаленной красивой опушке с большой лужайкой. Самые крепкие «мужики» во главе с Арменом Сарвазяном шли в деревню за бараком. Остальные, добравшись, наконец, до места, затевали всякие игры. Волейбол в кружок, бадминтон, кто-то пристроился с шахматами на пеньке. Многочисленные детишки, вырвавшись на волю, с восторженными визгами носятся среди взрослых. Предусмотрительно осторожные футболисты ушли гонять мяч подальше, и их крики оттуда соперничают с детскими... Симон Эльевич ходит с фотоаппаратом, не давая кануть в Лету этому всеобщему счастью бытия.

«Мужики», вернувшиеся из деревни с бараком, уединяются где-то неподалеку. Вскоре появляется дразнящий запах дымка. Все начинают принохиваться, счастливо поводить носами, да рано. Армен Сарвазян — главный по бараку, готовит настоящий хафт, а это быстро не бывает. Наконец, когда все уже набегались, наигрались, накричались, появляется Армен со всем тем великолепием, которое подготовил на костре: хафт, шашлыки, какие-то немыслимо вкусные соусы, — и начинается пир! Эта традиция приживалась легче фотографирования!

Как нас воспитывали вне аудиторий — ББС

Н.А. Перцов

После практики на Беломорской биологической станции МГУ Володя привез мне в подарок кроссастера — красивую многолучевую звезду и решил, что я обязательно должна увидеть красоты Белого моря; и летом 1970 г. мы с друзьями туда отправились. Мы собирались поставить палатку в Кислой губе, это противоположный от ББС берег Киндо-мыса, там рядом Ершовские озера и есть пресная вода недалеко от моря.

Приключения начались уже в поезде с того, что часа за два до прибытия в Черную речку выяснилось, что там давно нет остановки, следующая только в Пояконде. Ребята помчались к машинистам с дикой просьбой притормозить московский скользкий в Черной речке. И вернулись с победой! Разгадка этого чуда оказалась в великой известности и авторитете руководителя ББС Н.А. Перцова и огромном тогда уважении к людям науки. В разговоре ребята как-то обмолвились о ББС, оказалось, что машинисты знают Николая Андреевича, и вопрос был решен. В те времена сила имени Перцова останавливалась скорые поезда!

В.Н. Вехов

Однажды к нашей палатке подошли двое, на туристов не похожи. Старший придилично осмотрел наш лагерь, младший, похоже, студент, стоял неподвижно. Наконец старший успокоился и представился: «Вехов Владимир Николаевич». Оказалось, что они — ботаники, на практике на ББС.

В.Н. Вехов негативно относился к «дикарям» — слишком часто от них оставалось захламленное место. Наш порядок его устроил, и настроение сменилось на приветливое, особенно после того, как узнал, что наши ребята — биофизики

Рис. 3. Со студентами на Беломорской биологической станции МГУ, 1960-е гг.
В первом ряду слева — Н.А. Перцов и М.Н. Кондрашова, в центре — С.Э. Шноль,
справа — В.Н. Вехов. Личный архив С.Э. Шноля

Fig. 3. With students at the MSU White Sea Biological Station, 1960s. In the first row on the left — N.A. Pertsov and M.N. Kondrashova, in the centre — S.E. Shnoll, on the right — V.N. Vekhov.
S.E. Shnoll's personal archives

с физфака, ученики Шноля, и раньше проходили практику на ББС у Перцова и Наташи Ляпуновой. Мы пригласили их к костру пообедать с нами. За обедом Владимир Николаевич рассказывал нам разные истории и легенды из жизни ББС. Одна из них оказалась неожиданной. Он рассказал, как несколько лет назад один студент нырял без акваланга под островом Великим на глубину около 20 метров за крос-састерами — многолучевыми глубоководными яркими звездами — и одаривал ими друзей. Мы переглянулись, но не признались, что этот человек сидит напротив, — зачем разрушать легенду. И вот здесь, спустя несколько лет, я узнала — почему Володя дарил мне эту звезду отдельно от остальных, и запоздало испугалась, осознавая, какому риску он тогда себя подвергал.

Студент Сергей двигался как-то неловко, было видно, что ему трудно. Владимир Николаевич пояснил, что он в предыдущую их прогулку сильно травмировал пятку — практически срезал ее на острых беломорских камнях. Мы удивились, как же с такой тяжелой травмой, требующей хирургической помощи, он ходит на такие длинные маршруты. Владимир Николаевич вполне буднично ответил, что он промыл рану, залил ее свежим соком тысячелистника и прибинтовал болтающийся на коже кусок пятки на место, через неделю все срослось.

Меня поразили волшебные свойства невиданного растения, да еще с таким ярким названием. Вехов же изумился моему глубокому невежеству и сказал, что, когда мы появимся на ББС, он обязательно покажет это растение, ибо оставлять такие пробелы в знаниях нельзя (он решил, что я биофизик).

Через несколько дней мы, согбаясь под тяжелыми рюкзаками, отправились в обратный путь. Переход из Кислой губы через перевал на ББС оказался дольше, чем

мы предполагали, и к причалу биостанции мы пришли почти к самому отплытию корабля. И тут, завидев нас издали, Вехов с берега ринулся на причал, схватил меня за руку и потянул куда-то на берег под возмущенные гудки. Владимир Николаевич считал абсолютно необходимым ликвидировать мое невежество и выполнить свое обещание, даже задерживая корабль, немедленно показать мне легендарный тысячелистник. Оказалось, что это растение знакомо мне с раннего детства — в играх в «магазин» оно называлось «морковка». Теперь я всю жизнь помню о сильных лекарственных свойствах этого растения. И еще сильнее я помню и ценю то горячее, неравнодушное, сердечное отношение Настоящего Университетского Учителя В.Н. Вехова к нам, молодым. К великому счастью, знакомство длилось еще годы в Москве. Иногда весной Владимир Николаевич приглашал нас в Ботанический сад МГУ и с огромным воодушевлением показывал цветущие там диковины. С тех пор я обрела неувядаемый по сию пору интерес к растениям, а в домашней библиотеке появилось множество определителей и книг о растениях.

C.Э. Шноль

Назад мы возвращались через Пояконду. Каким же было счастьем встретить там Симона Эльевича. Он возвращался с ББС с группой практикантов-биологов.

Поезд в Пояконде стоит одну минуту, мы все с рюкзаками и все в один плацкартный вагон. Конечно, погрузиться не успели, поезд тронулся. Уже на ходу Володя забрасывал рюкзаки биологинь и помогал им подниматься на высокую подножку — перрона не существовало. Поезд набирал скорость, девочки все уже в тамбуре, а Володя еще идет рядом с вагоном и вдруг отпускает поручень. Остановился, поправил рюкзак килограммов под сорок весом. Затем уже бегом догнал вагон, ухватился за поручень и в прыжке заскочил на подножку. Визг студенток утих, все выдохнули. А Симон Эльевич не оставил это мимолетное происшествие без анализа, восхитившись при этом Водолиным хладнокровием. Он объяснил, что вместо попытки заскочить на ходу с болтающимся на одном плече тяжеленным рюкзаком — попытки опасной, обреченной на неудачу, — Володя остановился, надел рюкзак на оба плеча, пристегнул его на пояс и догнал поезд. Так Симон Эльевич тяжелые впечатления от этой жуткой посадки превратил в приятное воспоминание о маленькой победе.

В вагоне мы оказались с Симоном Эльевичем в одном купе. Очень скоро все студенты набились в наше купе и начались разговоры обо всем на свете. Так и проговорили почти до Москвы — тридцать с лишним часов. Симон Эльевич рассказывал об истории ББС, о Н.А. Перцове, о В.Н. Вехове, но в основном об истории развития биофизики и очень много историй из жизни Н.В. Тимофеева-Ресовского.

Один из студентов, воодушевленный происходящим, вскочил и восторженно высказался, что-де какой интересной жизнью мы живем, не то что наши скучные, слабо образованные родители. Симон Эльевич помрачнел и как-то отчужденно сказал, что общение свысока со старшими и тем более с родителями недопустимо. «Такое общение — бесценная возможность узнать многое, о чем вы представления не имеете. Будущим поколениям полезен опыт предыдущих поколений. Вам с ними скучно, потому что вы не знаете и малой доли того, что испытали и знают они. Вы

постарайтесь слушать и запоминать. Позже многое поймете, многое пригодится» — примерно таким был смысл его слов.

* * *

С.Э. Шноль глазами внешнего мира

I. Физфак, 1970-е

Симон Эльевич производил ошеломляющее впечатление на людей, впервые слышавших его. Вот история из начала 1970-х, которую рассказал нам Сергей Михайлович Чудинов — наш старший друг, выпускник физфака, профессор, зав. кафедрой на физфаке, лауреат Государственной премии СССР. Проходя как-то мимо Малой Физической, он услыхал за дверью голос лектора и застрял до перерыва. Потом пробрался в аудиторию, стараясь быть незамеченным, и, не шелохнувшись, слушал лекцию по биохимии, не понимая в ней ровным счетом ничего. Но для него это не имело ни малейшего значения, главным было наслаждение от угадываемой во всем эрудиции, от свободы и образности речи, от артистизма и дара приводить внимание, заинтересовать — от всего того, что называется талантом и искусством лектора. Это был ШНОЛЬ!

Сергей Михайлович не без смущения признавался нам, ученикам Симона Эльевича, что при всякой возможности он, как мальчишка, тайком бегает на лекции Шноля, так и не посмев, несмотря на незначительную разницу в возрасте, подойти к нему познакомиться.

II. ИФА АН СССР, весна 1989 г.

Из-за неразберихи с распределением и собственного легкомыслия я оказалась в аспирантуре не на кафедре акустики, как планировалось, а в аспирантуре Института физики атмосферы АН СССР (ИФА), где и проработала следующие 47 лет. Когда Симону Эльевичу рассказали детали распределения, он удивился: «Ну и кружева!»

И вот однажды Симон Эльевич приехал в ИФА. Случилось это в 1989 г. во времена выборов делегатов на 1-й съезд народных депутатов. Академия наук получила квоту — 21 место. Президиум Академии быстренько распорядился этим по своему усмотрению и, например, академика Сахарова в списке не оказалось. А академическая общественность возмутилась, в институтах проходили бурные собрания, на которых выдвигались иные кандидаты. Вот на такое собрание и приехал к нам Симон Эльевич. Его выступление было, как всегда, ярким, убедительным и красивым и произвело сильнейшее впечатление. Мощь интеллекта, необъятная эрудиция, свобода изложения, особый исторический взгляд на события, редкостный талант лектора, человеческое обаяние, выразительный облик — все это ошеломило сотрудников. Его долго не отпускали. Следующие несколько дней только о нем и говорили.

После собрания я пригласила Симона Эльевича в нашу комнату отдохнуть, попить чайку — до пущинского автобуса оставалось время. Но то самое магнетическое действие Шноля на молодежь проявилось, что называется, в явном виде — ребята нерешительно, без приглашения, но все же набились в комнатку и завороженно слушали Симона Эльевича в неофициальной обстановке. А потом после его отъ-

езда мне пришлось рассказывать им об истории Пущинского академгородка и о «Шнолятнике» — уникальном сообществе ученых-биофизиков — учеников Симона Эльевича.

III. Дом актера, июль 1989 г.

Меру магического влияния Симона Эльевича на любую, самую сложную аудиторию нам с Володей довелось наблюдать спустя два десятка лет после окончания физфака в абсолютно неординарных обстоятельствах.

Однажды Симон Эльевич позвонил и совершенно неожиданно пригласил нас в Дом актера, где ему надо было выступить на собрании, посвященном итогам только что закончившегося первого съезда народных депутатов (1989 г.). Мало кто тогда понимал глубину грядущих перемен.

На собрание приглашены самые великие, самые уважаемые, самые заслуженные и самые народные актеры и режиссеры — весь генералитет советского театра и кино. Зачем и что обсуждать пришли — неясно, но встрече рады, нечасто случается вот так собраться всем вместе. В центре зала столпотворение — все поздравляют Мережко с сегодняшней премьерой. Гул множества голосов, передвижения по залу, хлопанье кресел, приветственные реплики друзьям через весь зал... В общем, хуже толпы только толпа интеллигентов, а уж собрание творческой интеллигенции — и вовсе слабо управляемое явление.

На сцене шесть человек — два известных журналиста-международника (Олег Попцов и Мэлор Стуруа?), затем С.Э. Шноль, далее два деятеля искусств — депутаты съезда — и модный грузинский театральный режиссер (Р. Стуруа?).

Начинается собрание. Первого выступающего не слушают — еще не успокоились, в зале шум, разговоры, опоздавшие рассаживаются, громко приветствуя собравшихся. Второго докладчика часто прерывают шутками, комментариями, в зале ровный гул.

Третьим начинает выступать Симон Эльевич. В первые секунды зал продолжает гудеть, через минуту шум нарастает с новой силой — по рядам несется «Кто это? Кто такой? Ученый? Профессор МГУ? Как-как его зовут?..» Затем в зале как-то резко наступает абсолютная, предельно внимательная тишина. Ловят каждое слово... Зал оторопело смотрит на незнакомого худощавого человека, накрепко сковавшего их внимание. Симон Эльевич говорит сдержанно, очень серьезно, оперируя историческими и философскими категориями, анализируя с присущей ему свободой и глубиной нынешние и грядущие изменения в обществе после принятых съездом решений. Для собравшихся это абсолютно иной, непривычный подход, другая система мышления, иное — очень серьезное и глубокое понимание происходящих прямо сейчас исторических событий. Зал притих, осознав, наконец, зачем они здесь. И настроение кардинально поменялось — непринужденная атмосфера дружеской «тусовки» сменилась заинтересованным обсуждением. Все последующие выступления начинались словами: «Как сказал уважаемый профессор...»

...А завершил Симон Эльевич это свое выступление словами: «Я оптимистично оцениваю происходящее. Совсем скоро — всего через три-четыре поколения — у нас все будет хорошо!»

Мой первый Великий человек

Так получилось, что в 1965 г. в начале моей дипломной практики в лаборатории физической биохимии ИБФ Симон Эльевич Шноль и я оказались попутчики. Каждую неделю мы встречались в вагоне электрички. За разговорами два часа до Серпухова и час в автобусе до Пущино пролетали незаметно, обсуждали все на свете — от древнегреческих философов до последних литературных новинок и художественных выставок. Интересно было все! После этих дорожных разговоров лекции по истории физики казались пресными. Очень многое из того, о чем рассказывал Симон Эльевич, например о Тимофееве-Ресовском, спустя пару десятков лет я встретила в книге Д. Гранина «Зубр» и в книге самого Николая Владимировича «Воспоминания».

Под влиянием этих наших бесед у меня сложилось понимание, что История творится каждую минуту, и что среди людей, с которыми встречаешься, общаешься, работаешь, дружишь, живут те, чьи имена войдут в историю человечества на века. В жизни появился особый взгляд на окружающих, особый интерес. Конечно, в творческой среде встретить, жить, работать среди людей, принадлежащих Истории, легче, чем в иной среде. С кем-то с самого начала «очами видно», что рядом Великий человек, и это большое счастье относиться к такому человеку особенно бережно и с огромным интересом. А кто-то вырастал в Великого человека с годами, с трудами, с красивыми значимыми научными и иными достижениями. Наблюдать процесс становления Великого человека, годами радоваться его успехам — это особое украшение жизни.

Первым из моих Великих и самый Великий был человек, сидящий напротив в вагоне электрички, — Симон Эльевич Шноль! Великий ученый, Великий учитель, Великий просветитель. У него около тысячи учеников — выпускников кафедры биофизики, многочисленные кандидаты, доктора, академики. Среди них и те, чьи имена вошли в Историю. Пара примеров:

1 июня 2022 г. произошло абсолютно уникальное событие: на заседании Российской академии наук сразу два (!) ученика С.Э. Шноля стали академиками — Ф.И. Атауллаханов и А.П. Сарвазян. Оба — из того звездного состава аспирантов, которые начинали славную историю лаборатории физической биохимии, получившей высокочтимое звание «Шнолятник».

Работы пионеров исследования активных сред — А.М. Жаботинского, А.Н. Заикина, В.Н. Буравцева — сотрудников лаборатории С.Э. Шноля — входят в современную программу государственного экзамена в вузах по специальности «биохимическая физика» в раздел «Активные среды. Реакция Белоусова — Жаботинского. Интерфазный осциллятор Буравцева. Колебательные и автоловновые процессы в биологических системах.».

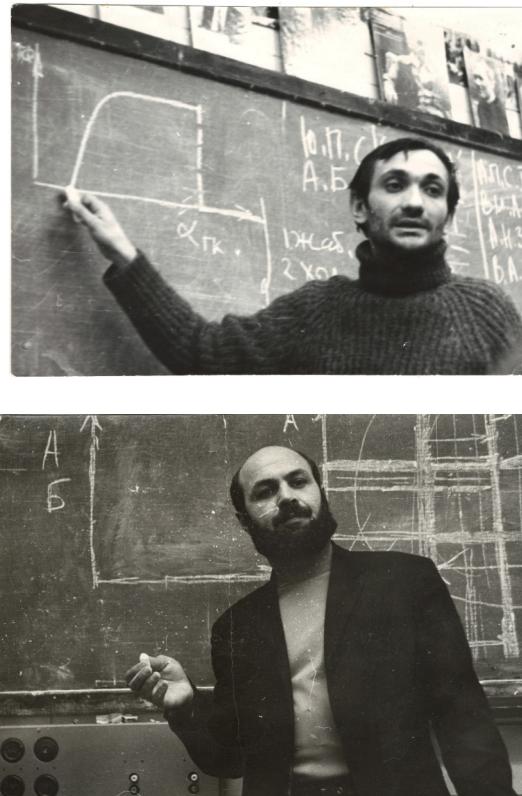

Рис. 4. Фазли Атауллаханов (вверху), Армен Сарвазян (внизу). Пущино, ИБФ. Конец 1960-х гг. Архив лаборатории физической биохимии ИТЭБ РАН

Fig. 4. Fazli Ataullakhhanov (at the top), Armen Sarvazyan (at the bottom). Pushchino, IBPh. Late 1960s. Archives of the Laboratory of Physical Biochemistry, ITEB RAS

History is being made every minute

TATIANA I. MAKAROVA

A.M. Obukhov Institute of Atmospheric Physics of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia; tmakarova44@yandex.ru

Tatiana Ivanovna Makarova is a graduate of the MSU Faculty of Physics, an acoustician, geophysicist and a Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Her recollections span the period from the early 1960s to the late 1980s, both within S.E. Shnoll's laboratory and beyond, beginning with her first encounter with him as a member of a student construction team in the then-developing town of Pushchino. T.I. Makarova reminisces about S.E. Shnoll's captivating lectures, their hours-long conversations on the way to Pushchino, as well as the work and leisure time in his laboratory. She also reflects on how S.E. Shnoll was perceived by the outside world. Additionally, part of her memories

is dedicated to the MSU White Sea Biological Station and Shnoll's colleagues, N.A. Pertsov and V.N. Vekhov.

Keywords: construction of Puschino akademgorodok, annual seminar of the Laboratory of Physical Biochemistry, "Shnoliatnik", MSU White Sea Biological Station, N.A. Pertsov, V.N. Vekhov, Institute of Atmospheric Physics, Central House of Actors.